

и до конца «вписаться» в социальную роль, в нем «... всегда остаются нереализованные потенции и неосуществленные требования...»¹ Несоответствие «внутреннего содержания» человека его официальному положению в обществе (статусу) образует базовое противоречие. Таким образом, сознание человека распадается на составляющие части: в одном случае оно приобретает черты «внешней лояльности», в другом — происходит «внутреннее отчуждение», неприятие официальных ценностей. Наличие «раздвоенного сознания» свидетельствует о кризисе общества — нарушается равновесие.

Все политические и социальные процессы заключены между этими двумя полюсами — «тоталитарностью» и «толерантностью». Таким образом, они представляют собой некую целостность, а не отрицают друг друга — «толерантность» (*принятие*) обеспечивает более эффективное воздействие на человека, «насаждая» в его сознании прочные социальные стереотипы. Через «толерантность» достигается полная и безусловная лояльность. В то же время — она служит способом легитимации власти.

«Толерантный» человек — это человек, стоящий «на точке зрения целого», когда его ценностные ориентации, индивидуальные интересы, мышление и убеждения полностью подчинены *всеобщему*.

В. С. Мартьянов
Екатеринбург

ЛОГИКА ВЛАСТИ В ЯЗЫКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Исходным пунктом проблемы является самоочевидное положение о том, что в политологии метод и представление о политике задаются прежде всего самой политической властью, в форме традиционной структурной идеологии, которая строится по принципам формальной логики. При

¹ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. С. 479—480.

этом прервать самореференцию власти способно, на наш взгляд, лишь обращение к самому языку политической науки как объекту исследования. Власть всегда укореняется в априорной структуре языка, формирующей понятия и представления. Поэтому универсальный язык, опирающийся на концепт естественности и лишь отражающий окружающий мир, является властным языком. Он не может выйти за рамки естественного порядка вещей, поскольку вне этих рамок он становится немым.

«Немота» политической науки в этом вопросе связана с тем, что власть всегда стремится сконструировать контролируемую и непротиворечивую модель языка, отражающую ее интересы, но вовсе не интересуется сущностью используемого языка как такового. Власть нуждается в технологии языка, в превращении его в орудие властвования. Но для этого язык как таковой сначала должен быть подвергнут изъятию из объектов политической науки. Это связано с тем, что он выходит за рамки любой непротиворечивой модели языка, которую создает та или иная идеология, отождествляя данную модель с языком вообще. В противном случае язык становится алогичным, не укладывается в рамки идеологии, проговаривая больше, нежели от него требуется для исчерпывающего представления.

Политическая наука, анализируя политические явления, опасается затрагивать собственное пространство представления. Это пространство, формируемое идеологическими моделями научного языка, которые используются в политических исследованиях, практически никогда не ставится под вопрос. Однако выбор той или иной модели языка сам по себе детерминирует логику описания, метод и выводы. Кроме того, модель языка задает определенную систему координат и ценностей, связанных с данной логикой, определяя таким образом образ самой политической реальности, то самое пространство политического представления, которое предстает как нечто природное и естественное, как точка отсчета. На самом деле это пространство структурируется «властным» языком, поэтому не может быть естественным в качестве предельной реальности. Симптоматичное отсутствие интереса к собственному языку в политической науке указывает на стремление установить

замкнутый на себя контекст исследований, присущий идеологической самореференции власти. Разомкнуть подобную непротиворечивую структуру, маскируемую под естественную, можно лишь преодолев ее тавтологику. Иными словами, поставив под вопрос закон ее функционирования в целом.

Подобное возможно путем анализа языка, который, будучи праформой любой системы, никогда полностью не принадлежит ни одной из них. В политической науке, согласно нашей гипотезе, используются две модели языка: знаковая и символическая. При этом полному присвоению со стороны власти поддается лишь язык, организованный в формальной логике знака, функциональный и однозначный. Именно данная модель языка, базирующаяся на здравом смысле как последнем критерии истины, доминировала в политической науке в Новое время. Однако язык, организованный согласно логике и структуре знака, всегда неполноценен в том смысле, что полностью соответствует только внутренней реальности идеологической системы (ее закрытому, а вследствие этого и универсальному дискурсу значений); латентно он всегда символичен. Обнаружение этой скрытой символичности собственно и являет в ретроспективе конец претензий властной идеологии на естественность и универсальность, то есть на обладание конечной истиной. Однако до тех пор, пока эта модель языка, в которой оценочные понятия закрепляются через тождество слов и вещей в структуре знака, способна подменять амбивалентные субъективные смыслы политических феноменов и понятий их универсальными идеологическими значениями, власть будет эффективно ее использовать.

Проблема противопоставления знака и символа генетически происходит от антагонизма логоса и мифа в греческой философии как двух форм языка, а следовательно, и двух форм восприятия речи: понимания и толкования (современная герменевтическая практика), например в виде комментария или прорицания. Отсюда же две концептуальные практики познания: метафорическая по своей природе риторика и аналитическая логика. Принцип логоса в современном понимании ассоциируется с языком науки Нового времени, с моделью рационализма, данной Декартом и Бэконом, которая поставила во главу угла человеческий

рассудок, лишив его при этом каких-либо трансцендентных оснований в обмен на объективность в сфере имманентного. Соответственно миф связывается не с принципом знания, но с принципом веры, с чем-то эмпирически не верифицируемым, иррациональным и интуитивным, что не может претендовать в рамках идеологии европейского рационализма на истину.

Научное мышление в области социально-политических наук, осознавая заявленное противоречие, то есть принципиальную разбивку языка на логику знака и логику символа еще до начала каких-либо собственно научных исследований, стремится его разрешить, сделав язык только инструментом познания, и здесь можно наблюдать борьбу двух тенденций, где герменевтические методы интерпретации, опирающиеся на логику символа, противостоят универсальным приемам формализации, использующим логику знака.

Таким образом, трактовка символа и характера его отличия от знака прямо задается идеологией научного познания, логикой которой руководствуется тот или иной мыслитель. Более того, выбор языковой модели определяет априорную картину мира, то пространство представления, которое будет считаться изначальным в своей естественности для исследователя. Властное пространство политики в данном случае будет либо структурным (идеологическим), либо символическим (мифологическим), что само по себе намечает как дискурс о власти, так и способы ее собственной самореференции и легитимации.

Системная формальная логика, выраженная теорией знака, тождественна себе и универсальна до тех пор, пока политическое не предстало как символическое. Логика символического подхода такова: нечто есть то, что оно есть, и есть то, что оно не есть, или же есть и то и другое, не будучи ни тем, ни другим, что прямо нарушает закон исключенного третьего. Подобная межсистемность, не сводимая к апологии позитивной либо негативной модели Системы, позволяет тем самым ускользнуть от нее, не защищая ее и не противостоя ей по правилам ее логики. Только так возможно осознать движущие интенции системы, латентные подтексты публичной идеологии. Преодоление

логики Системы, то есть логики Знака, возможно лишь средствами Символа, то есть путем открытия в языке тех смысловых противоречий, которые невозможно было выявить средствами прежней уже относительной логики.

Структура знака лежит в основании классического понятия представления как тождества означаемого и означающего, бытия и мышления, укладывающегося в ту или иную схему. Представление функционирует только в рамках наличия, непротиворечивости, полноты и тождества слов и вещей. Представление как бы исчерпывает бытие в его самотождественности. Знак как принцип познания нацелен на выявление универсальных структур, общих понятий и схем, в которые вписывается все наличное. Знак всегда неявно заявляет приоритет умопостигаемого (идеи) над чувственным многообразием опыта. В силу этого он идеологичен, подчиняя реальность тому или иному представлению, определенной идеологической схеме.

Однако сегодня власть уже неспособна с помощью знака оформлять замкнутый идеологический дискурс политики, легитимированный знанием. Политическое знание выходит за пределы классической теории знака и поневоле открывает собственную символичность, которая подсознательно ощущается как неудовлетворенность собственным идеологическим языком и неполноценность теорий и моделей, накладываемых на разросшееся пространство политических явлений. Структура традиционных рационально-логических представлений оказывается неполной, а значит, не универсальной и не истинной. Причем важнейшей тенденцией эволюции логики власти является, на наш взгляд, переход от структурной идеологии как основания властных легитимаций, функционировавшего в логике знака, к нарративу, то есть символическим обоснованиям, которые обращаются, в первую очередь, к перформативным средствам самого языка.

Осознание кризиса современной политической науки связано с очевидной невозможностью свести символ к аналитическому знаку, позволяющему создать взаимно однозначное соответствие (тождество) формализации и формализуемого. Подобная методология работала лишь в условиях единой картины мира. Сейчас же речь идет о неполноте метода,

претендовавшего на полноту отражения всего сущего, которая была залогом его притязаний на присвоение универсальной истины (= власти). Но проблема состоит в том, что не формализуем сам язык, поскольку его природа символична, а знаковость — идеологична. Поскольку сведение символа к знаку аналогично сведению трансцендентного к имманентному, мы имеем дело с определенной идеологией, направленной на присвоение истины, так как множественность смысла, присущая символу, устанавливает множественность истины. Власть же может укорениться лишь в единственном значении, путем отмены циркуляции всех иных смыслов, подрывающих ее собственный дискурс извне.

Суть современной смены научной «эпистемы» (М. Фуко) или «парадигмы» (Т. Кун) состоит в переходе от знаковой к символической модели политического языка с иными критериями легитимации научного знания. Если легитимность научного знания традиционно коренилась со времен Просвещения в культе разоблачения и объяснения, сводившего все явления и вещи к единым универсальным основаниям, базировавшимся в свою очередь на установлении однозначного и единственного тождества слов и вещей, то сегодня научное исследование начинается, осознанно либо бессознательно, с выбора модели научного языка, которая предопределяет одну из возможных логик. Поэтому центрированность исследователя лишь на «аналитических знаках» аксиоматического языка, исключающих свою интерпретацию, стала со временем лишь одной из научных логик, ретроспективно обнажившей свои изъяны идеологического характера, когда признание возможности другого порядка вещей и парадоксальности истины, не всегда тождественной очевидному, — означает добровольный отказ от власти, обнаружение своего «политического бессознательного».